

Перед лицом — один за другим на сцену выходят герои и злодеи, патриоты и предатели, вельможи и разбойники, красавицы и свирепые жёны; они ткнут знакомые каждому картины с помощью праведной власти, деспотизма, коварства, крови и хитрости. Здесь дружба и вражда, союзы и распри, верность и предательство стали привычным делом...

Пролог

Что такое история? История — это рассказ, который пишут люди.

Когда пробили часы двадцатого века, западные державы вновь ускорили шаг на пути индустриализации, однако на китайской земле цинская династия, основанная маньчжурами, походила на прогнившую каменную башню — она шаталась от малейшего толпа, но рухнуть никак не желала, заставляя бесчисленных благородных мужей, лелеявших идеалы спасения родины и народа, проливать кровь и горько вздыхать!

В это преддверие эпохи республики случалось, что выдающиеся мастера изящного слова бросали клич пером, случалось, что подлые злодеи плясали от восторга, случалось, что прославленные на всю страну учёные устремлялись к плахе с горящими в сердце идеалами, случалось, что полководцы несметных ратей натягивали поводья и взмахивали хлыстами...

Было и множество безвестных горячих юношей, несших в груди наивную мечту спасти родину, пылкую страсть сделать державу великой и небывалую отвагу настоящих героев. Они превращали свои жизни в алые розы и, когда те распускались ярче всего, уходили из жизни спокойно и безмятежно, не дрогнув бростью.

Это, без сомнения, была мрачная эпоха, где мутная вода несла и ил, и рыбу, а добро и зло смешались воедино.

Герои и злодеи, патриоты и предатели, вельможи и разбойники, красавицы и свирепые жёны выходят на сцену один за другим; они ткнут знакомые каждому картины с помощью праведной власти, деспотизма, коварства, крови и хитрости. Здесь дружба и вражда, союзы и распри, верность и предательство стали привычным делом...

И потому кто-то изрёк: политическая сцена Китая в начале двадцатого века — точь-в-точь вода после купания продажной женщины: мутная донельзя.

Раз так, что будет, если бросить в эту воду маленький незаметный камешек?

Быть может, вода останется такой же мутной, быть может, сам камешек обрастёт толстым слоем тиха, а быть может, круги один за другим побегут по глади и в конце концов смоют всю грязь и пыль.

Каков же окажется итог?

До того как камешек брошен, предсказать не сможет никто.

Если бы этим камешком был ты, осмелился бы броситься в тот грандиозный поток? Если бы ты и вправду перенёсся в сумрачную пору накануне республики, кем бы ты пожелал стать — барчуком среди беззаботных песен и танцев или же взять в руки меч, чтобы без сожаления пролить горячую кровь ради спасения родины?

Ответ — в твоих руках.

Название книги «Армия революции» восходит к «Предисловию к „Армии революции“» авторства Цзоу Жуна. Труд Цзоу Жуна некогда прославляли как Декларацию прав человека в Китае двадцатого века. Цинское правительство тогда до смерти испугалось, услышав об этом, и в спешном порядке опечатаало Патриотическое студенческое общество и газету «Субао», арестовав Цзоу Жуна, Чжан Тайяня и других известных деятелей. Цзоу Жун претерпел в тюрьме жесточайшие унижения и скончался там в 1905 году в возрасте всего двадцати лет.

Цзоу Жун писал в предисловии: Старый Юаньминюань императора Цяньлуна уже обратился в пепел, и опираться на него более нельзя. Что же до нынешних высоченных теремов и многоярусных палат — величественного Ихэюань, то стоит лишь спросить: разве каждый кирпичик и черепица здесь не содраны из пота и жира нас, ханьцев, дабы ублажить ухмылку какой-то там блудницы Ехэнала? Беззаконный и жестокий Цинь возвёл дворец Эпан, и люди Поднебесной по сей день именуют его бесчеловечным, — но каков он в сравнении с Юаньминюанем? Если соотечественники мои не смеют открыто называть злодеяния маньчжуров, то это доказывает, что маньчжурское правительство достигло пределов тирании. И далее он взывает с поднятой рукой: Разве стерпим мы, чтобы одежды срединного государства пали до уровня варваров? Поведём же за собой храбрецов Центральной равнины, вернем наши горы и реки!

Повести за собой мужей-героев и вернуть наши необъятные горы и реки! Разве один лишь Цзоу Жун лелеял такую мечту?

Хотя автор — человек из будущих поколений, всякий раз при чтении этих страниц его сердце вздымается и долго не может успокоиться. В порыве волнения и родились строки, что вызовут у читателя отклик.

То, о чём пишется в книге, — это как раз такая мечта: её не было в истории, но она живёт в сердцах миллионов юношей. Когда наперерез грянет изменчивая эпоха, судьба главного героя без сомнения затронет каждую струну вашей души; она заставит ваше сердце биться в унисон, вместе с ним ликовать о революции, проливать о ней слёзы и идти вперёд —.

Сила отдельного человека, несомненно, ничтожно мала, но если удастся отыскать ту точку опоры, что сдвинет историю с мертвой точки, пожалуй, всё изменится. — Примечание автора.

История в этой книге происходит в ином параллельном мире — во многом похожем на наш, но всё же отличным от него. Просьба излишне не увязывать упомянутых в тексте персонажей, названия мест и события с реальной жизнью.

Глава первая. Тот самый день 1900 года

— Бах!

Чистый ружейный выстрел прорезал тишину сумеречного неба; из ствола мелкокалиберной винтовки Маузера вырвался лёгкий сизый дымок, а вокруг разлился едкий запах пороха.

— Шестой!

Лэй Чжэнь быстро спрятал винтовку и, бормоча что-то под нос, побежал к следующей точке для засады.

Его силуэт ещё не успел скрыться, как в ушах загрохотали выстрелы и канонада. Среди

клубящегося дыма место, где он только что прятался, перестало существовать: три фугасных снаряда подряд угодили туда, полностью сравняв тот отрезок окопа с землей.

— Командир отделения, у тебя потрясающая меткость! — к нему пристроился худой солдат в просторной военной форме, глядя на Лэй Чжэня с завистью в глазах.

Сделать больше двух десятков выстрелов и уложить всего шестерых чертей — если за такие результаты человека ещё и хвалят, Лэй Чжэню оставалось лишь молча развести руками. Знай его старый старшина, что он стреляет так паршиво, несколько увесистых пинков были бы ещё самым мягким наказанием.

И кого тут винить? Разве что никуда не годившиеся прицелы этих допотопных маузеров: Лэй Чжэню потребовалось сделать с десятков выстрелов, чтобы хоть примерно приноровиться к траектории полёта пуль.

Чёртовы мелкие мерзавцы! Чего ради ты вечно строчишь эти «пробивные» романчики про то, как захудалый солдатик пробивается наверх? Из-за тебя, старина Лэй, я читал их несколько ночей напролёт, а в итоге — один неосторожный шаг, и вот я сам попал в попаданцы.

Подумаешь, попаданство — эка невидаль! В нынешние времена, когда такого читва начитаешься вдоволь, у Лэй Чжэня выработался хороший иммунитет. Но какого чёрта — раз уж отправлял, забросил бы меня в добрые времена! Зачем занесло меня в 1900 год, в самый разгар похода Альянса восьми держав на Пекин и Тяньцзинь? Хуже того, меня угораздило стать командиром отделения Предивой армии Увэй под началом Не Шичэна!

Господин генерал Не — славный и доблестный муж. Семь суток он в одиночку держал оборону в Балитае против иностранных захватчиков, пока пуля не пробила ему живот, обагрив поле боя кровью — он пал смертью храбрых. Лэй Чжэнь, сам будучи военным, испытывал к нему глубочайшее уважение.

Впрочем, уважение уважением, но куда больше Лэй Чжэня тревожило тяжелейшее положение, в котором оказалась армия Не Шичэна под Балитаем. Судя по известному ему ходу истории, из-за численного превосходства неприятеля армия была полностью уничтожена. Предивая армия Увэй, бывшая одним из трёх главных элитных соединений государства Цин, в этом бою понесла тяжелейший урон и в конце концов была поглощена новой армией Юань Шикая.

Попаданцем стать — это полбеды, но мог бы ты, чёрт побери, определить меня на пост повыше? Ну там, командующим или заместителем генерала! Лишь бы нашлась возможность замолвить словечко перед генералом Не, а с помощью идей, почерпнутых из будущего, я бы придумал, как заставить заморских чертей хлебнуть лиха. А не как сейчас: командир отделения — кто он такой? Даже лица Не Шичэна в глаза не видывал, а в подчинении всего дюжина солдат. Глянешь на тех, кто рядом, — если надеяться, что они выиграют сражение, так солнце скорее на западе взойдёт! — мысленно сетуя на несправедливость небес, Лэй Чжэнь вытащил патрон и до упора вдавил его в магазин.

Взглянув через прорезь прицела вперёд, он увидел, что заморские черти снова идут в атаку. Они двигались сплошной массой, и Лэй Чжэнь мог выбирать цели одну за другой, словно они выстроились в очередь на переключку. Их боевой порядок для наступления был на редкость примитивным: три плотные линейные колонны, наступающие бок о бок. Ударь по ним из пушки — ряды бы легли целиком, скошенные разом.

Пушек не было, но и пулемётный обстрел дал бы отличный результат. Жаль только, что на всю

Предивую армию Увэй имелось всего два пулемёта Максима, да и те сейчас почивали в Военном лагере Лутай.

Из-за нерешительности цинского двора в противодействии иностранцам и разрушенных ихэтуанями железных дорог Не Шичэн привёл в Тяньцзинь лишь переднее и заднее крылья Предивой армии Увэй — всего десять батальонов, около пяти тысяч человек. Доставить на поле боя тяжёлое вооружение вроде пушек Круппа и пулемётов Максима в полном объёме не удалось, из-за чего цинские солдаты с самого начала столкновения хлебнули немало горя. Это же косвенно породило у воинов Не глубокую ненависть к боксёрам, разрушавшим железнодорожные пути и линии связи.

Раз ни пушек, ни пулемётов подоспеть не могло, оставалось лишь сосредоточить огонь и вести стрельбу залпами. Но для этого в рядах цинской армии требовалось немало метких стрелков, а во всём вздоре, да что там — во всём батальоне, стрелков, подобных Лэй Чжэню, было исчезающе мало.

Неприятель подбирался всё ближе. И хотя на счету Лэй Чжэня прибавилось ещё две зарубки, на общую обстановку это никак не влияло: перед лицом огромной разницы в общей боевой мощи отдельная сила была слишком ничтожна.

— Трусы! А ну встать, вперёд!

Наконец, не дождавшись поддержки от собственной артиллерии, Ли Чэнчжан, командир роты, в которой служил Лэй Чжэнь, отдал приказ идти в атаку. Этот бородач, собственноручно срубивший головы нескольким японским солдатам в сражении при Цзяву, обладал отменным искусством владения оружием. Его палаш гремел на всю армию, он был прославленным храбрецом под началом Не.

В боку кольнуло: пара крепких, сильных ног пронеслась прямо по лежащему Лэй Чжэню. Следом цинские солдаты, залегавшие в траншеях, с яростными криками схватили тесаки и пики с повязанными на них алыми лентами и храбро бросились навстречу чужеземцам.

— В атаку!

Горячая волна мгновенно ударила Лэй Чжэню в голову. Бросив маузер, он на ходу ухватил большой тесак и, согнувшись три в погибели, выпрыгнул из окопа.

Что же творится? Почему артиллерийская батарея на задворках не поддержала их огнем? Вопросы сгущались в душе Лэй Чжэня. Загнанные в угол цинские войска, уступавшие противнику по части вооружения и огневой мощи, были вынуждены пойти в контратаку в надежде отбросить натиск неприятеля в ближнем бою.

Хотя снаряжение Предивой армии Увэй под командованием Не Шичэна уступало новой армии, сформированной Юань Шикаем в Сяочжане, по свирепости она занимала одно из первых мест во всей цинской армии. В годы войны Цзяву воины Не ведали страха в ожесточённых боях с японцами у перевала Мотяньлин и Ляньшаньгуаня, где срубили японского генерала Томиока Сайдзо, — и всё благодаря нестигаемой, неукротимой ярости в крови.

Смутные силуэты... Впереди Лэй Чжэня цинские солдаты в новой форме размахивали сверкающими на холоду тесакими и с криками бежали на чужеземцев. В самом авангарде шёл тот самый бородатый ротный командир Ли Чэнчжан, который только что пнул Лэй Чжэня. С тесаком, украшенным красной кистью, он скакал впереди всех.

— Бах-бах-бах!

— Бах!

Однако не успел Лэй Чжэнь отбежать от окопа и на пару шагов, как с позиций неприятеля заговорили ружья и пушки. Завидев бегущих в атаку цинских солдат, иностранцы остановили движение: передний ряд залёг, средний — опустился на одно колено, задний — стрелял стоя, ведя непрерывный огонь. Плотные пули градом обрушились на цинских воинов.

Помимо пуль, чужеземцы пустили в ход даже артиллерию. Их снаряды точно ложились посреди цинского строя, а разлетающиеся шрапнельные пули раз за разом уносили по несколько жизней.

— Ложись! — в отчаянии во всю мочь завопил Лэй Чжэнь.

С точки зрения человека из будущего, попавшего в прошлое, это была вовсе не война — это была бойня в чистом виде. Изрыгающие пламя стволы неприятеля кишели, словно саранча, а бежавшие по открытому полю цинские солдаты могли лишь беспомощно наблюдать, как одного за другим их пронзают пули и убивают снаряды.

Кроме нескольких солдат, бежавших следом, никто не послушал его приказ. Ибо приказ, полученный бойцами, гласил: в атаку, только в атаку!

Новые мундиры солдат оросились кровью. Шатаясь в дыму, они продолжали двигаться вперёд, и ни один из них не отступил назад.

В самомпреди наступающего строя командир роты Ли Чэнчжан добрался до позиций врага на расстояние всего нескольких шагов. Его клинок был взнесён высоко вверх, готовый опуститься и снести голову противнику.

— Бах-бах!

Грянули выстрелы, и у Ли Чэнчжана уже не осталось шанса исполнить желание зарубить врага: несколько пуль одновременно вонзились в его тело. Кровавые раны на груди зияли жутко. Сдерживая обиду, Ли Чэнчжан медленно рухнул на землю. Превращенный в решето, он, несмотря на глубокие боевые навыки и бесстрашие, способное противостоять сотне воинов, не смог остановить град свинца.

— Ротный! — отчаянно закричал Лэй Чжэнь.

Конец!

Героизм, безусловно, вызывает уважение, но потеря командира неизбежно подкосила бы дух любого отряда. Гибель Ли Чэнчжана сломила последние остатки боевого настроения цинских воинов. Оставшиеся без командования солдаты бросились бежать в панике, куда глаза глядят. И хотя цинские солдаты из армии Не славились свирепостью в бою, они всё же оставались людьми, а не машинами — после того, как половина войска полегла в атаке, самое боееспособное подразделение цинского государства рухнуло.

— Лэйцзы, заморские черти прут! Беги! — прокричал пробежавший мимо Лэй Чжэня беглец и стрелой умчался назад.

Увы, не успел он пробежать и пару шагов, как пуля вонзилась в его тело.

Лэй Чжэнь узнал его: этот беглец по прозвищу Лэйцзы, звавший его, был его прямым начальником — взводным, командовавшим тремя отделениями. И надо же было этому дурню удирать во весь рост, подставив врагу спину — разве можно было выжить в таком положении?

Лэйцзы — такое прозвище носила оболочка, в которую вселился Лэй Чжэнь. Этот счастливчик и несчастлец одновременно поступил на военную службу на двадцать третьем году правления Гуансюй, получив должность командира отделения первой роты передового левого батальона армии Не.

Ли Чэнчжан пал в бою, а командиры взводов и отделений рангом ниже были перебиты или бежали. Удерживать позиции было больше нельзя.

Лэй Чжэнь кубарем скатился в окоп и, пригнувшись, что есть мочи побежал по траншее. Этот отрезок обороны на восточной стороне Балитая защищала первая рота левого батальона их передовой армии; теперь же вся рота была наголову разбита. Если позволить заморским чертам прорваться здесь, тыловые подступы к главной позиции в Балитае окажутся перерезаны, и они угодят в густое кольцо окружения.

Потому он был обязан опередить неприятеля до того, как кольцо замкнется, и добежать до главнокомандования с вестью. Единственной его надеждой было то, чтобы время шло как можно медленнее, бесконечно медленно.

Тогда Лэй Чжэнь еще не знал, что он, будучи командиром отделения, по чину уже стал старшим по званию среди всех уцелевших бойцов первой роты левого батальона передней армии — впрочем, если, конечно, считать званием должность командира отделения.

Шёл третий день седьмого месяца двадцать пятого года правления цинского императора Гуансюй. Из ста восемнадцати человек первой роты пехотного левого батальона передовой армии армейского корпуса Увэй под командованием Не почти все были убиты или ранены; ротный Ли Чэнчжан пал в атакующем строю, а из оставшихся жалких остатков в живых едва насчитывалось меньше двух десятков человек.

(Историческая справка: Ли Чэнчжан, командир роты Предивой армии Цин, пал смертью храбрых в Балитае вместе с Не Шичэном.)

Глава вторая. Последний хребет Великой Цин

Пробежав какое-то расстояние, Лэй Чжэнь заметил, что число солдат вокруг него постепенно увеличивается. В конце концов они собрались вместе — набралось человек двадцать-тридцать. Среди них были бойцы из его отделения, из той же роты, но больше — из других рот, подразделения которых тоже развалились.

— Я Лэй Чжэнь, командир отделения первой роты левого батальона! Держитесь за мной, не разбегайтесь, иначе вас запишут в дезертиры! — взмахивая руками, беспрестанно кричал толпе перепуганных беглецов Лэй Чжэнь.

После дневного боя третьего дня седьмого месяца вся оборонительная линия с левой стороны Балитая оказалась полностью открыта для чужеземцев. И дело было вовсе не в том, что командиры и бойцы армии Не не проявили доблести: они уже больше месяца вели ожесточенные бои с иностранцами, их ружья и боеприпасы иссякли, а потери росли с каждым днем. В таких условиях, да еще лишившись артиллерийской поддержки, как можно было не проиграть эту войну?

Главные позиции цинских войск располагались у небольшой речки в Балитае, и берега соединял всего один мосток; чтобы пройти дальше, иностранцам требовалось сперва захватить его.

Не Шичэн был прославленным военачальником, прошедшим через множество битв, и прекрасно понимал, какой рельеф выгоднее обороняющейся стороне. Желая воодушевить солдат всей армии, он разместил главную ставку именно здесь.

Когда Лэй Чжэнь с отрядом беглецов добрался до Балитая, как раз началось наступление врага. Сквозь пороховой дым он разглядел Не Шичэна: облаченный в парадный мундир, поверх которого был наброшен желтый камзол, генерал восседал на скакуне с обнаженной саблей в руке, величественный и грозный, стоя у моста.

Вокруг то и дело рвались вражеские снаряды; фугасные бомбы разнесли в щепки даже белокаменные перила каменного моста, но ничто из этого не могло заставить Не Шичэна дрогнуть. Высоко подняв палаш, он, словно бог войны, хладнокровно руководил подчиненными.

— Генерал!

Хотя Лэй Чжэнь видел Не Шичэна впервые, источаемый им солдатский дух, для которого враг — сушая тщета, уже покорил его.

Что такое талант великого полководца? Это способность стоять насмерть, не отступая, даже когда противник превосходит тебя в разы. Так было у Мотяньлина, так было и в Балитае, где Не Шичэн по-прежнему стоял непоколебимо.

— Вы из какой роты? Почему не на позициях? Ах вы, позорные дезертиры! — не успели они добежать до Не Шичэна, как разъяренный генерал, вскинув хлыст, прищпорил коня и бросился на них. В дыму его волосы и уборочная борода опалились и завились от огня, однако это ничуть не умаляло его грозного облика.

— Генерал, оборонительная позиция левого батальона пала, батальонные и ротные командиры погибли, заморские варвары в любую минуту могут зайти нам в тыл, давайте отступим! — поспешно выстроив людей, громко доложил Лэй Чжэнь.

Размышляя об этом заведомо безнадежном бое еще в разговорах с армейскими товарищами, Лэй Чжэнь неизменно приходил к выводу, что армия Не вообще не должна была приносить себя в бессмысленную жертву.

Как военный, как полководец, Не Шичэн, вступая в смертную схватку с иностранцами при численном превосходстве врага и не имеющем никаких естественных укрытий Балитае, нарушал элементарные тактические правила.

— Ха! Смеешь нести пустые речи, смущающие армейский дух! Смерть тебе! — гневно сверкнув глазами, Не Шичэн взмахнул хлыстом и опустил его прямо на голову Лэй Чжэню. Алая кровь струей побежала по щеке, и, когда она коснулась губ, во рту отчетливо заципало от соли.

Командиры бьют солдат — в старой армии это было обычным делом, и Не Шичэн исключением не являлся.

Однако генерала поразило другое: получив удар хлыстом, Лэй Чжэнь гордо вскинул голову и, без страха глядя в разгневанные глаза, продолжил чеканить слова во весь голос:

— Господин генерал, вы преданы родине и хотите пасть на поле боя — я восхищаюсь этим! Но эти пять с лишним тысяч братьев из Предивой армии Увэй тоже рождены своими матерями! Неужели и эти солдаты должны стать жертвами вашего слепого долга? Если все солдаты полягут в боях, кто станет защищать Пекин? Кто защитит императора? Неужели те самые бандиты из Ихэтуаней, что кричат о своей неуязвимости к мечам и пулям?

Лэй Чжэнь говорил громко, без тени сомнения. Перед лицом этой мрачной эпохи им двигали лишь горечь от ее несовершенства и пылкое желание всё изменить.

Не прорвись левый фланг, у него никогда не выпало бы шанса самовольно покинуть позиции и прибежать в Балитай. Теперь же, раз уж выпала редкая возможность встать лицом к лицу с Не Шичэном, упускать ее было нельзя.

— Слепой долг? Ты — всего лишь командир отделения, и смеешь обвинять меня в слепом долге?! — от гнева седая борода Не Шичэна затряслась, и в руке снова взметнулся хлыст.

— Фальшивый императорский указ заставил грозного командующего чжилийскими войсками генерала Не поверить в обман — до чего же это смешно! Разве это не слепой долг?! — голос Лэй Чжэня звучал так громко, что заглушал даже разрывы снарядов.

Тот тайный указ князя Цзая Цзай, приказывавший предать суду на месте Не Шичэна за «самовольное убийство мирных жителей и обучение войск западным методам», в то время держался в строжайшем секрете. Цзай И был министром канцелярии Цзунли Ямэнь и отцом великого князя наследника, всевозможные печати и штампы у него имелись в избытке, так что состряпать поддельный указ вдовствующей императрицы не составляло труда. Не Шичэн, разумеется, ничего не знал об этой подоплеке, да в те дни никому и в голову не пришло бы, что Цзай И осмелится на столь дерзкий шаг.

<http://bllate.org/book/21116/2142714>